

Североморская епархия

КОЛЬСКИЙ ПАТЕРИК
КНИГА VI

Епископ МИТРОФАН (Баданин)

ПОДВИГ «ТУМАНА».
ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Издательство «Ладан»
Санкт Петербург – Североморск
2016

Подвиг «Тумана». Люди и судьбы. Епископ Митрофан (Баданин) – Санкт Петербург – Мурманск: Изд. Ладан, 2016. – 64 с.: ил. – (Кольский патерик: Книга VI).

ISBN 978-5-86983-057-9

Серия книг под названием «Кольский патерик» посвящена жизнеописаниям как прославленных Церковью святых земли Кольской, так и иных достойных патриотов Русского Севера, своей жизнью и смертью исповедовавших евангельские истины. В шестой книге серии рассказывается о героях морской войны на Кольском Севере, о мужественном противостоянии экипажа сторожевика «Туман» трем фашистским эсминцам. Моряки-герои проявили лучшие качества российского воинства и повторили легендарный подвиг крейсера «Варяг».

В основу повествования легли воспоминания как современников, так и непосредственных участников тех героических событий и родственников героев «тумановцев».

ISBN 978-5-86983-057-9

© Епископ Митрофан (Баданин), 2016

ОТ АВТОРА

Где-то в самом начале 2000-х годов ко мне, тогда уединенно живущему в дальнем поморском селе иеромонаху, неожиданно приехал незнакомый священник – отец Петр. Добравшийся в Варзугу на попутках батюшка оказался клириком Ивановской епархии. Причина его приезда ко мне, в столь дальние края, тогда показалась несколько неожиданной. Он взволнованно рассказывал мне историю гибели в 1941 году СКР «Туман», спрашивал, где можно было бы узнать подробности того боя... Почему он так живо интересовался этой историей? Дело в том, что его супруга Татьяна – внучка командира «Тумана», и, соответственно, ее бабушка Елизавета Ивановна – жена погибшего командира – много рассказывала ей о тех событиях и о том времени.

Тогда я смутно представлял, чем, собственно, могу помочь батюшке. Исследованиями истории Кольского Севера я еще толком не занимался, да, собственно, и таких возможностей в разоренном «перестройкой» селе у меня не было. Отец Петр поехал дальше, в Североморск, в музей Северного флота, и больше мы не виделись.

Прошло 15 лет. Я вновь вернулся на родной Северный флот – уже в ином качестве. И очевидная потребность нынешнего времени дать военным морякам яркие примеры мужества и героизма отцов и дедов, обозначить верные ориентиры исторических традиций российского воинства подвигла меня вернуться к тем рассказам отца Петра и его супруги Татьяны. Пришло время отдавать долги и оживить в памяти героические страницы жизни российского флота и историю подвига СКР «Туман».

75-летию подвига СКР «Туман» посвящается

10 августа 1941 года корабль Северного флота СКР «Туман» под командованием старшего лейтенанта Льва Шестакова вступил в бой с тремя фашистскими эсминцами и героически погиб.

Вот, собственно, и все, что можно было бы доложить в официальной сводке. Шла жестокая война, и таких сообщений и про корабли, и про самолеты приходили сотни. И многие тысячи таких сообщений ежедневно приходили про наших с вами отцов, дедов и прадедов. Так же суха и последняя строчка в послужном списке старшего лейтенанта Шестакова: «Исключен из списков Флота, как погибший в бою за Социалистическую Родину».

Так в чем же подвиг СКР «Туман»? И был ли подвиг? В то суровое и жестокое время самого начала кровопролитной войны командование флота подвига не усмотрело. Ни один из погибших в бою или из спасенных в море ничем награжден не был. Прошло 75 лет. И вот теперь мы, ныне живущие «в тепле и добре», – чем можем мы наградить тех далеких героев, какой доброй памятью и сыновней благодарностью? Как сделать нам все, дабы не сбылись тревожные строки поэта:

Умирают солдаты дважды:
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.

Андрей Романов

Командир и его корабль

Командир «Тумана» старший лейтенант Шестаков Лев Александрович закончил Высшее Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе и осенью 1940 года был распределен служить на Северный флот. Тогда же, в Ленинграде, в своем первом лейтенантском отпуске он женился на своей избраннице, милой девушке Лизе. Ему было 24 года, Елизавете – 22. Они познакомились еще в Одессе, когда Лев проходил учебную практику на парусном барке «Товарищ», а Лиза училась на штурмана малого плавания Министерства торгового флота.

По окончании «медового» отпуска лейтенант Шестаков убыл на СФ принимать должность командира БЧ-2 на СКР «Торос», а Лиза осталась еще на год доучиваться.

СКР «Торос» входил в первый дивизион сторожевых кораблей ОВР СФ и базировался в Полярном. Этот сторожевик, как и будущий его корабль «Туман», и как, впрочем, все последующие корабли дивизиона, представлял собой паровой рыболовный траулер. Боевым кораблем он становился после установки на него двух небольших пушек, знаменитых «сорокопяток», и двух пулеметов «Максим» для борьбы с авиацией.

В начале 1941 года в Мурманском рыбном порту базировалось много таких рыболовецких судов – добыча рыбы на

*Курсант ВВМКУ
им. М. В. Фрунзе
Лев Шестаков.
Фото 1939 года*

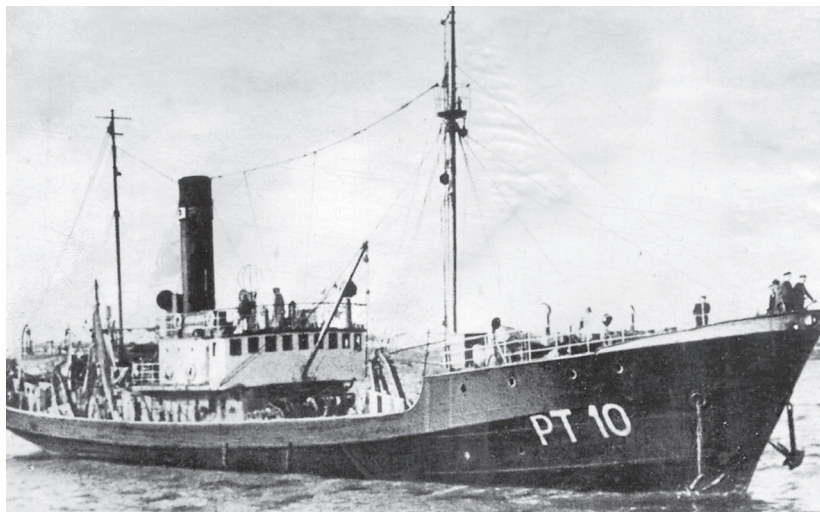
Севере шла полным ходом. Среди этих судов находился и траулер РТ-10 «Лебедка». С началом Финской компании в конце 1939 года он был зачислен в дозорные корабли Северного флота под номером ДК-10. Вскоре, весной 1940 года, на Мурманской верфи корабль ДК-10 прошел дополнительное перевооружение и был окончательно классифицирован как боевой корабль, сторожевик СКР-12 «Туман».

Готовность

«Нет больше той любви,
как если кто положит душу
свою за друзей своих» (Ин. 15;13)

Всякий, кто когда-то по велению сердца выбрал себе путь профессионального военного служения, – без колебаний должен принять и обязательное условие этого выбора – постоянную готовность умереть. В этой «постоянной готовности», в ощущении передернутого затвора и взведенного курка сокрыта вся моральная тяжесть воинской службы.

Не секрет, что по Заповедям Христовым, по учению Православной Церкви тот, «кто положил душу свою за друзей своих», особо любим и угоден Господу. Тот, кто выполнил приказ, не изменил присяге, не предал друзей и, не цепляясь малодушно за «привременное бытие сие», отдал свою жизнь, непременно наследует Царствие Небесное. При этом даже не важно, что он лишь «просто» поднялся из окопа в атаку и тут же «принял пулю на вдохе». Или «просто» выполнил задачу корабля дозора, обнаружив врага, и, не имея необходимых средств для ведения боя, боролся за

*Рыболовный траулер РТ-10 «Лебедка» (построен на верфи в Данциге).
Вступил в строй в 1931 году. Судно предназначалось для промысла
рыбы в Баренцевом море*

живучесть корабля и, расстреливаемый в упор, продолжал духовно побеждать врага, вновь и вновь подымая сбиваемый снарядами флаг ВМФ.

Для командира СКР «Туман» лейтенанта Шестакова, вчерашнего курсанта, этот момент истины наступил неумолимо быстро. Главный день его жизни пришелся на 10 августа, когда командиру и его экипажу предстояло до конца исполнить высшее предназначение человека на земле – отдать свою жизнь, чтобы жили другие.

Именно это и есть «просто» быть русским моряком, «просто» любить родную землю, «просто» не согнуться перед подавляющим большинством противника и «просто» «положить душу свою за други своя» ...

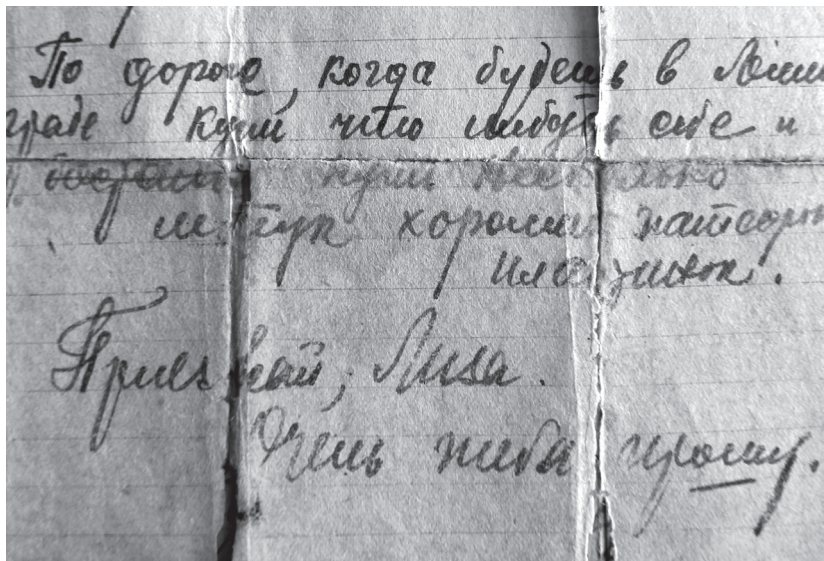
Предчувствие

Еще с весны 1941 года лейтенант Шестаков крайне настойчиво стал звать свою Лизу безотлагательно приехать на Север. «Лиза, дорогая, – писал Лев, – дело в том, что у меня сейчас такое состояние, что мне очень необходимо присутствие любимого человека, твое присутствие. Поэтому я тебя очень прошу бросить сейчас техникум и срочно приехать ко мне». Елизавета почувствовала, что Лев пишет о чем-то действительно очень важном и что причина его беспокойства не во внешних, порой трудных обстоятельствах флотской жизни, а в глубоких внутренних переживаниях: «Сейчас у меня все вполне благополучно, – уговаривал жену Лев. – Я смогу часто быть на берегу, поскольку это лето мы проведем в Мурманске – корабль встал на ремонт. К осени я возьму отпуск, и мы поедем с тобой на юг, побываем на море и на нашем Днепре. Приезжай, приезжай, приезжай!» Это был май 1941 года – до начала войны оставался один месяц.

Наконец в июне Лиза все бросила и приехала к мужу на Север. Льву дали десять дней отпуска, и они взяли билеты на поезд до Ленинграда. Утром в поезде в дверь их купе постучал проводник: «Товарищ лейтенант, началась война, объявлена всеобщая мобилизация. Приказано всем вернуться к месту службы».

В Мурманском порту кипела работа. Рыболовные суда переоборудовались и переходили в подчинение Северному флоту. Лейтенанту Льву Шестакову зачитали приказ Командующего СФ №027 от 24 июня 1941 года о назначении его командиром сторожевого корабля «Туман». Вот такая блестящая карьера была уготована лейтенантам в 1941 году.

29 июня 1941 года его корабль с прежним командиром старшим лейтенантом Богдановым Н. И. прибыл в Мур-

Последняя приписка к последнему письму из мирной жизни мая 1941 года:
«По дороге, когда будешь в Ленинграде, купи что-нибудь себе и купи несколько штук хороших патефонных пластинок. Приезжай, Лиза, очень тебя прошу»

манск, где принял на борт мобилизованное на флот пополнение. Тем же приказом Николай Богданов назначался командиром «настоящего» боевого корабля – СКР «Смерч»*. Забрав нового командира корабля лейтенанта Шестакова, «Туман» убыл к пункту постоянного базирования в Полярный. Лиза осталась одна в комнате, снятой в Мурманске. Она видела, как новые «траулеры-сторожевики» один за другим уходили из рыбного порта на театр военных действий Северного флота. Никто еще не знал, что

* Капитан 3 ранга Богданов Н. И. закончит войну командиром эсминца «Валериан Куйбышев».

слишком скоро, уже к концу 1942 года, шестнадцать из них найдут свое последнее пристанище на дне северных морей*.

40 дней войны СКР «Туман»

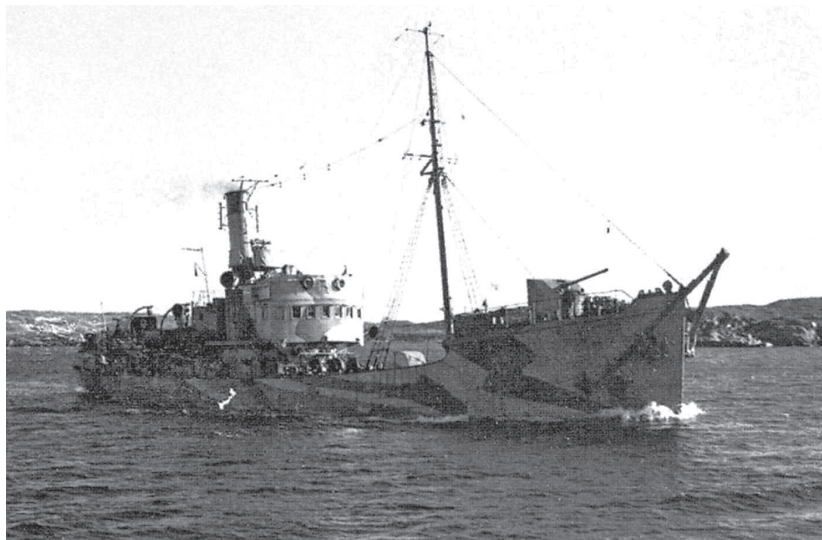
Уже на этом переходе 29 июня из Мурманска в Полярный экипаж получил первое боевое крещение. Из-за береговых сопек Кольского залива на «бреющем» выскочил немецкий бомбардировщик Юнкерс Ju 88. Артиллеристы «Тумана» были наготове и открыли огонь по самолету, который поспешил скрыться. Начиная с этого эпизода боевая работа корабля стала непрерывной.

Доставив в базу пополнение, корабль с новым командиром убыл в дозор на известную дозорную линию – мыс Цып-Наволок – остров Кильдин. Три дня в дозоре – и, едва зайдя в базу, 3 июля «Туман» вновь вышел в море. Задача – прикрывать переход транспорта «Циолковский» и буксира с баржей в губу Западная Лица, со складов в которой было необходимо вывезти оставшийся автотранспорт и продовольствие. В этот раз задача была успешно решена. Теплоход «Циолковский» героически погибнет 1 мая 1942 года – следуя в составе конвоя QR-11, он будет торпедирован немецкой подводной лодкой в районе острова Медвежий.

5 июля перед командиром «Тумана» вновь поставили задачу вывести корабль к линии фронта для высадки разведы-

---

* «Никакой героизм людей не мог компенсировать низкие боевые возможности этих кораблей и, несмотря на усиление активности подводных лодок противника, начиная с марта 1944 г. все бывшие рыболовные траулеры стали выводить из боевого состава флота» (Платонов А. В. Потери кораблей Северного флота в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Война в Арктике, 1939–1945: Материалы Международной конференции. Архангельск, 2000).

СКР-12 «Туман»

вательно-диверсионной группы (РДГ). Побережье Мотовского залива в этом месте уже было занято гитлеровцами. В районе разбитого причала осталось большое количество ценного имущества, которое не успели вывезти при отступлении – и его требовалось уничтожить. История этого имущества весьма примечательна. По одному из секретных соглашений, подписанному во время советско-германского договора о ненападении, наша страна обязалась предоставить немцам на Крайнем Севере порт или удобное место для военно-морской базы, куда могли бы заходить немецкие крейсера, несущие боевую службу в районе торговых путей Северной Атлантики.

Для создания такой базы немецкое военно-морское ведомство во главе с гросс-адмиралом Э. Редером выбрало губу Западная Лица. Закипела работа: строили склады снаб-

жения, ремонтные мастерские, причалы. Секретный порт получил название «Пункт “Норд”». Строительство продолжалось до весны 1940 года. Этой весной немцы высадились в Норвегии, а к середине лета оккупация страны была завершена. Фашистский флот получил для развертывания своих военно-морских баз удобные норвежские фьорды. Строительство пункта базирования в Советском Заполярье стало неактуальным. Однако много имущества осталось. Все, что «Циолковский» с баржей не сумел забрать в прошлый заход, подлежало уничтожению.

Именно с этой целью и потребовалось высадить РДГ. Несмотря на интенсивный орудийный и пулеметный огонь противника, СКР, возглавляемый лейтенантом Шестаковым, все-таки сумел прорваться на рейд Западной Лицы, спустить шлюпку с диверсионной группой и успешно выполнить задание. К вечеру этого же дня «Туман» ошвартовался в Мурманске, где на борт были приняты сто двадцать четыре бойца морского десанта. Путь «Тумана» вновь лежал на линию фронта, к губе Западная Лица.

Такая напряженная работа флота была вызвана чрезвычайными обстоятельствами. В начале июля 1941 года немецко-фашистские войска предприняли решительную попытку сломить сопротивление советских войск и любой ценой выйти к порту Мурманск, а также захватить главную базу Северного флота город Полярный. С этой целью немецкие войска начали масштабное наступление и сумели форсировать реку Западная Лица. Части 52-й стрелковой дивизии, толком не успевшие закрепиться на этом рубеже обороны, вынуждены были отступить. Ситуация складывалась очень опасная – нужно было как можно быстрее перейти в контрнаступление, остановить продвижение врага

Погрузка десанта. Фото 1941 года

в сторону Кольского залива и отбросить его обратно за водный рубеж реки. Для поддержки сухопутных войск командование Северного флота срочно сформировало отряд кораблей с морским десантом.

Утром 6 июля 1941 года наши корабли под прикрытием самолетов-истребителей приступили к высадке десанта, поддерживая ее артиллерийским огнем. Во время этой операции экипаж «Тумана» проявил свои лучшие качества и действовал исключительно самоотверженно. Артиллеристы корабля показали свое мастерство и здорово поддержали высадку огнем своих «сорокопятков», подавляя огневые точки врага на берегу. Под градом осколков рвущихся снарядов и авиационных бомб боцман «Тумана» Александр Саблин и матрос-сигнальщик Филипп Марченко встали в ледяную воду и, положив на плечи тяжелые сходни, дали

возможность десантникам быстро высадится прямо на берег. При этом, когда Марченко получил серьезное ранение, то в воду прыгнул и сменил его старшина 2 статьи Иван Волок. Эти трое смелых бойцов вскоре погибнут во время того последнего боя 10 августа.

Операция прошла успешно. Десантники в ожесточенном бою отбросили фашистов обратно на западный берег реки Западная Лица и соединились с наступавшими с фронта армейскими частями. Потом были еще более мощные десанты. В результате появилась линия жестокого трехлетнего противостояния и рубеж страшных потерь – знаменитая Долина смерти, которую лишь десятилетия спустя переименовуют в Долину славы.

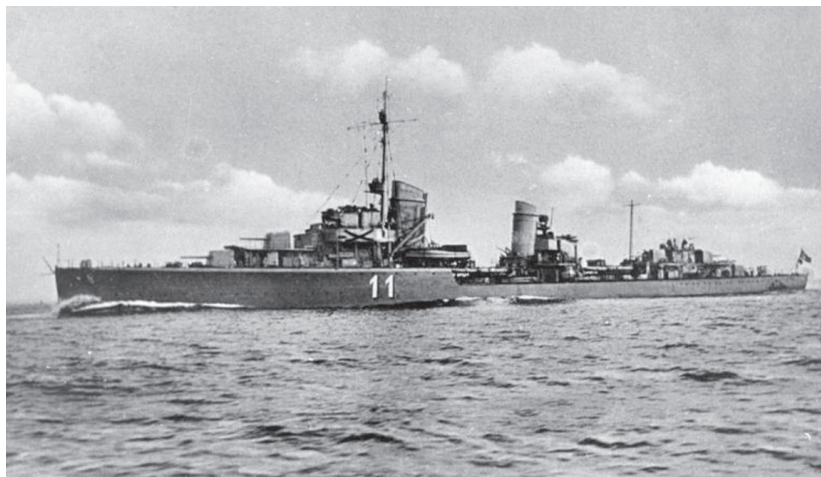
Эсминцы Кригсмарине

Развить наступательную операцию на Мурманском направлении врагу не удалось – очевидно, во многом благодаря активной поддержке наших войск с моря кораблями СФ. Тогда по запросу генерал-полковника Э. Дитля, командующего Горным корпусом «Норвегия», на помощь фашистским войскам в Заполярье были направлены корабли немецкого флота.

10 июля 1941 года в порт Северной Норвегии город Киркенес прибыла 6-я флотилия эскадренных миноносцев Кригсмарине* (6 Zerstörer-Flottille) в составе пяти новейших кораблей проектов 1934 и 1934А. Теперь основные усилия врага были перенацелены на действие против сил Северного флота. Начались регулярные массированные на-

---

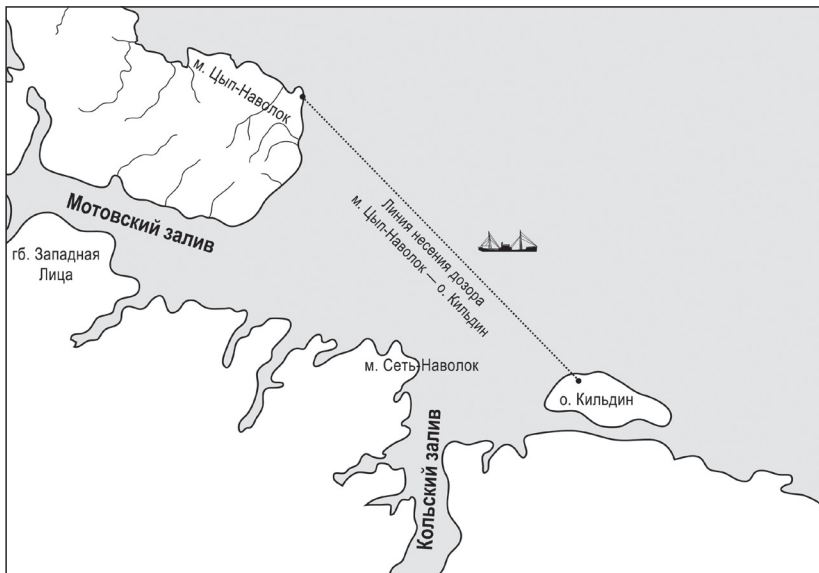
* Кригсмарине (нем. Kriegsmarine) – с 1935 года официальное название германских военно-морских сил Третьего рейха.

*Немецкий эскадренный миноносец Z-4 «Richard Beitzen», тип 1934.
В составе флота с 1937 года*

леты авиации на порт Мурманск, и на этом фоне были развернуты активные действия вражеских эскадренных миноносцев и подводных лодок. Замысел врага состоял в том, чтобы оттянуть силы флота от района Западной Лицы, заставив сосредоточиться на обеспечении безопасности морских коммуникаций, и таким образом ослабить нашу сухопутную оборону. Именно с этой целью началась охота на наши одиночные корабли и суда силами звена из трех (в начале до пяти) фашистских эсминцев.

10 июля отряд этих «свободных охотников» прибыл в порт Киркенес и, не задерживаясь, сразу вновь вышел в море. Отряд эсминцев поднялся высоко на север и, оказавшись вне зоны досягаемости нашей разведки, пророскочил на восток, неожиданно зайдя с тыла. Эффект внезапности принес свои плоды.

Линия несения дозора СКР «Туман»

До этого ни на подходах к Кольскому заливу, ни в других районах нашего побережья надводных кораблей противника никто не встречал. О том, что в наших морях объявилась «тройка» убийц, впервые стало известно 12 июля после их неожиданного ночного появления у Териберки и атаки на СКР «Пассат». После того боя эсминцы исчезли также бесследно, как и появились. Лишь спустя двенадцать дней, 24 июля, воздушная разведка СФ разглядела их в тумане в районе Йоканьги. Несмотря на своевременное оповещение наших кораблей, их следующей жертвой стало научно-исследовательское судно «Меридиан». Этот небольшой гидрографический корабль двигался от маяка к маяку вдоль побережья в районе Семи Островов с заданием принять на борт женщин и детей – семьи маячных служителей.

«Нападение стай на одиночные, более слабые или вовсе безоружные суда окончательно избрано противником как тактика для действий на Северном морском театре, – писал об этом с гневом в своем дневнике адмирал Головкин А. Г., – и когда люди пытались удержаться на плаву, то по ним тут же был открыт огонь из пулеметов с фашистских эсминцев»^{*}.

В такой обстановке 4 августа 1941 года СКР «Туман» покинул родную Екатерининскую гавань, чтобы приступить к несению дозорной службы на линии Цып-Наволоки – Кильдин.

«Поздравить по возвращении»

10 августа 1941 года было воскресенье. «Туман» уже неделю как нес патрульную службу. За это время ему довелось атаковать глубинными бомбами подводную лодку врага, отбивать атаку двух самолетов...

Погода в эту ночь была привычной для моряков Баренцева моря, ветер северо-восточный, сплошная облачность, временами морось, дождь, туман. Ночью все было спокойно. Но вот в 3 часа утра над кораблем, как темный предвестник беды, на небольшой высоте пронесся немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189». Всем стало тревожно: этот разведчик просто так не летает, он работает в интересах наведения ударных сил противника. Командир приказал усилить наблюдение. Лев Шестаков помнил, что такой же разведчик ночью 12 июля пролетел над СКР «Пассат» у мыса Териберский и вскоре его друг командир корабля Володя Окуневич принял свой последний бой.

---

^{*} Головкин А. Г. Вместе с флотом. М: Финансы и статистика, 1984. С. 64.

Накануне этих событий 9 августа в штаб ОВРа в г. Полярный поступила выписка из приказа Народного комиссара ВМФ СССР № 01457 от 28 июля 1941 года о присвоении командиру СКР «Туман» лейтенанту Шестакову Л. А. очередного воинского звания – старший лейтенант.

До начала войны действовало постановление ЦИК от 1935 года, согласно которому до старшего лейтенанта на флоте надо было служить три года. Новые сокращенные сроки присвоения воинских званий во время боевых действий были утверждены только в ноябре 1941 года: тогда звание старшего лейтенанта на флоте стали присваивать через четыре месяца, капитан-лейтенанта – через шесть. Но мы видим, что тогдашний Нарком ВМФ, будущий легендарный адмирал флота Кузнецов Николай Герасимович, сам уже принял решение об изменении сроков выслуги и стал присваивать очередные воинские звания боевым офицерам флота по законам военного времени начиная с июля 1941 года.

Лейтенанту Шестакову о присвоении ему очередного воинского звания не сообщали, было решено поздравить командира по возвращении в базу, после выполнения боевой задачи. Задача была выполнена, только вот поздравить никого так и не довелось...

Главная задача дозора

После пролета немецкого разведчика о сне уже никто не думал. Многие вышли на верхнюю палубу и напряженно всматривались то в небо, то туманную даль моря. Командир замедлил ход до «самого малого», чтобы не отходить далеко от родных береговых батарей на острове Кильдин.

Так прошло часа полтора, но ничего тревожного не происходило. Подумалось: может, обойдется, и разведчик никого не наведет на обнаруженную им одиночную цель...

Но нет, не обошлось. 10 августа для командира корабля и его экипажа оказалось главным днем в жизни, тем самым моментом истины, ради которого и живет каждый военный моряк и экипаж корабля в целом. В 4 часа 25 минут вахтенный офицер лейтенант Рыбаков Л. А. доложил командиру: «Вижу цель!»

В полосах тумана по правому борту лейтенант сумел разглядеть силуэты кораблей – три единицы. Дистанция до них была уже порядка 80-90 кабельтовых. Командир объявил: «Боевая тревога!» и дал команду «Лево на борт», чтобы отвести корабль ближе к береговым батареям на мысе Сеть-Наволок, под защиту «бога войны» – артиллерии.

Ход был увеличен до «самого полного», хотя, надо сразу сказать, максимальная скорость у «Тумана» оставалась «рыболовной», то есть далеко не боевой – не более 9 узлов. В 4 часа 30 минут в адрес оперативного дежурного Северного флота командир направил донесение за № 0426 об обнаружении трех кораблей противника, следующих курсом на вход в Кольский залив.

Главную задачу, стоявшую перед дозорным кораблем, СКР «Туман» выполнил. Флот был проинформирован, что впервые с начала войны фашистские надводные корабли открыто вторглись в ближайшую зону ответственности Северного флота. Они дерзко следуют курсом на вход в Кольский залив к главной базе СФ. И сейчас, конечно же, наша флотская авиация, мощная береговая артиллерия и наши новейшие эсминцы объяснят зарвавшимся наглецам, кто здесь хозяин...

«Последний парад наступает...»

Тем временем корабли противника резко увеличили ход и пошли на сближение. Теперь уже было ясно, что это три новейших фашистских эсминца проекта 1934А: «Hans Lody», «Friedrich Eckoldt» и «Richard Beitzen».

Именно они, 12 июля внезапно объявившись на этом театре военных действий у мыса Териберка, напали на наш конвой под охраной СКР «Пассат». Караван из двух судов ЭПРОНа – РТ-67 «Молотов» и РТ-32 «Кумжа» с емкостями на буксире – следовал из Кольского залива в Иоканьгу. Уцелеть в том бою удалось только «Кумже» – судно выбросилось на камни в губе Гавриловская, что спасло часть экипажа.

Теперь же эта фашистская стая, убедившись, что обнаруженная цель практически беззащитна, увеличила ход до полного – 38 узлов. Их задачей было выйти на дистанцию эффективного применения своей артиллерии, составлявшей пятнадцать единиц 127-мм корабельных орудий, но при этом ничем не рисковать, то есть не приближаться на дальность огня наших «сорокопяток». Немецкие корвет-капитаны превосходно знали – максимальная дальность стрельбы орудий «Тумана» – не более 49 кабельтов.

Рациональный немецкий расчет проявился и здесь. Расстояние до «Тумана» сократили ровно до 50 кабельтов, после чего враг открыл огонь пока только из шести орудий (выбрав по два с каждого корабля). Дальность стрельбы немецких орудий позволяла начать огонь много раньше, уже с 90 кабельтовых, но зачем атаковать издалека, если можно расстрелять в упор?

Командир «Тумана» и все, кто был на верхней палубе, время от времени оглядывались, напряженно всматриваясь

*Командир СКР
«Туман» лейтенант
Шестаков А. А.*

*Бой СКР «Туман» с эсминцами противника.
Художник П. П. Павлинов*

в дальние силуэты родных берегов, и прислушивались – когда же наконец ударит наша артиллерия. Все тщетно. Наши береговые войска, как оказалось, все еще жили в режиме довоенного времени, когда все было неспешно и только лишь по команде (и лучше если в письменном виде) от вышестоящих штабов. Да и, кроме того, все же понимают: открыть огонь – значит выдать себя, обнаружить свои любовно замаскированные позиции. Тут и до бомбардировок недалеко...

А корабельный бой, он всегда скоротечен. Успех порой решают секунды. Уничтожение «Тумана» длилось 13 минут.

«Свистит, и гремит, и грохочет кругом...» (из песни «Варяг»)

Первый залп лег с перелетом, но сбил радиоантенну и повредил оснастку мачты. «Туман» круто повернул вправо, и командир скомандовал «поставить дымовую

*Сохранившееся фото
курсанта Леонида
Александровича
Рыбакова*

завесу». Но, к сожалению, ветер стал неблагоприятным, и дым-завесу сносило в сторону. После третьего залпа пристрелка была закончена – и начался огонь на поражение. Корабль начали расстреливать, как в тире. «Туман» последовательно получил 11 прямых попаданий 127-мм снарядами, и это помимо осколочных повреждений от множества снарядов, взорвавшихся вблизи корабля. Прямым попаданием в командирский мостик были убиты и командир, и комиссар корабля. Изуродованное осколками тело лейтенанта Шестакова взрывом выбросило в море и найти его не удалось*.

В командование кораблем вступил старпом лейтенант Рыбаков Л. А. Офицер Леонид Рыбаков, несмотря на полученное ранение в тяжелейших условиях борьбы за живучесть корабля проявил исключительное мужество и командирские качества. Рыбаков сумел эвакуировать на шлюпках оставшихся в живых членов экипажа и последним покинул корабль незадолго до ухода «Тумана» под воду.

После этого боя Леониду Александровичу еще три года довелось успешно воевать с фашистами на Северном флоте. Помощник командира СКР-29 «Бриллиант» старший лей-

---

* Прибывшие на место боя сторожевой катер № 42 и малые охотники № 143 и № 133 тщательно обследовали район гибели командира «Тумана», но тела так и не обнаружили.

*Обнаруженный на берегу
острова Пахтусова
в Карском море
спасательный круг СКР
«Бриллиант». Фото 1970
года*

тенант Рыбаков Л. А. погибнет 23 сентября 1944 года вместе со своим кораблем, торпедированным немецкой подводной лодкой U 957*.

Несмотря на предельно допустимую дальность стрельбы, наши артиллеристы, конечно же, очень хотели «дотянуться» до ненавистного врага. Но, увы, кормовое орудие, имевшее нужный сектор стрельбы, было повреждено взрывом в самом начале боя. Орудийный расчет изо всех сил пытался ввести установку в строй, однако вскоре один из снарядов второго вражеского залпа попал в центральную часть корабля, а третьим залпом накрыло корму. Взрывная волна сбросила кормовое орудие за борт. Когда был перебит штуртрос рулевого управления, корабль стал неуправляемым, и на нем начался пожар. Фашистские эсминцы продолжали расстреливать беззащитное судно. Развернуться для стрельбы носовым орудием «Туман» уже не мог, и навочки оставшейся носовой пушки так и не смогли навести орудие на противника из-за мешавшей надстройки корабля.

Береговая артиллерия по-прежнему молчала.

---

* На обратном пути в свою базу Тронхейм (Норвегия) 19 октября 1944 года U 957 столкнется с немецким пароходом в районе Лофотенских островов и будет выведена из боевого состава.

Командирская жена

В эту ночь на 10 августа жена командира СКР «Туман» Елизавета Ивановна Шестакова около пяти утра вскочила с кровати в ужасе от кошмарного сна. Ей привиделось, что она находится на корабле мужа, в каюте командира «Тумана» лейтенанта Шестакова, а сам корабль уже ушел под воду. Она пытается выглянуть в иллюминатор и видит, что к стеклу сквозь воду приближается лицо ее мужа, Льва, и тот внимательно глядит ей в глаза... «Случилось страшное» – эта мысль пронзила Лизу и полностью овладела ею. Едва одевшись Елизавета выбежала на улицу и помчалась к проходной рыбного порта. На проходной она плакала и кричала: «Там что-то с “Туманом”!» Помогите, там что-то случилось!» Естественно, никто ничего не знал, да и по-

ВСТУПИЛ НА СЛУЖБУ В РККА „ „ „ 19 г.		Год	Месяц и число	Чей приказ	№
Наименование части	Наименование должности				
Вышеуп. Тихомировская боевая единица Красноармейские 4-е отд. и др. в Ордена Октябрьской Революции 1-й п. Ордена Красной Звезды	Муромец	1936	15-е июля	Приказ Шестаков	
Одт. командир 0819	Командир 04-11	1940	2-04	Иванов	0819
СКР. Мурман. 1-й п. в. Старый корабль 0819 СКР	Командир корабля	1941	24.06	0819	027
Переведен из отряда Тихомировской боевой единицы в 1-й п. в. СКР		1941	2.07	0819	077
Переведен в 1-й п. в. СКР	Командир отряда			0819	Шестаков

Короткий послужной список офицера Льва Шестакова

мочь ничем не мог бы. К ней отнеслись, как к одной из многих женщин с поврежденной военными буднями психикой, не выдерживающей этих ужасных бомбежек и нервного напряжения. Что снилось матерям и женам других погибших героев в эту страшную ночь, мы уже никогда не узнаем.

О гибели Левы ей сообщили позже – официальным извещением, что ее муж, старший лейтенант Шестаков Лев Александрович, «погиб смертью храбрых». Так Лиза стала вдовой в 22 года.

Не плачь,
Не гляди печально,
Я рядом,
Я близко,
Я здесь.
С утренней почтою чаек
Получишь добрую весть.
О том, что в мире едином
Вечной разлуки нет.
В море уходят мужчины,
Женщины смотрят вслед.
Так знакомо и грозно
В море идут корабли.
Сегодня морские звезды
На наши плечи легли.
Не плачь.
Не гляди печально.
Я близко.
Я рядом.
Я здесь.
С вечернею почтою чаек
Пришли мне хорошую весть.
Будет ли нынче малина?

Идут ли грибные дожди?
Нам слышно —
Стучит машина
У судна в стальной груди.
А значит, гибель не скоро.
И мир еще на плаву.
Не плачь.
Не гляди так скорбно.
Я здесь.
Я рядом живу...

Альбина Шульгина

Как жену погибшего командира Лизу устроили на работу в Гидрографическое управление СФ. Вскоре она поняла, что беременна. Дочь Ирина Львовна родилась 26 марта 1942 года. Работать с грудным ребенком Лиза не могла, и ее отправили в эвакуацию в город Ишим Омской области.

«**Боги войны**»

Командующий СФ адмирал Головко А. Г. после войны признавал: «Я допустил... ошибку, не обеспечив разведку со стороны моря»*. И позже в своей книге «Вместе с флотом» вновь отдельно отмечал, что в первые месяцы войны наши силы не были готовы к такому активному рейдерству фашистских кораблей в зоне ответственности Северного флота: «Появление вражеских эсминцев в обоих случаях [атаки на СКР «Пассат» и СКР «Туман»] было предварено воздушной разведкой и совпадало по времени. Если бы сегодня мы учли это, если бы действовали быст-

---

* Головко А. Г. Первые дни (из записок бывшего Командующего Северным флотом). М.: Воениздат, 1958. С. 28.

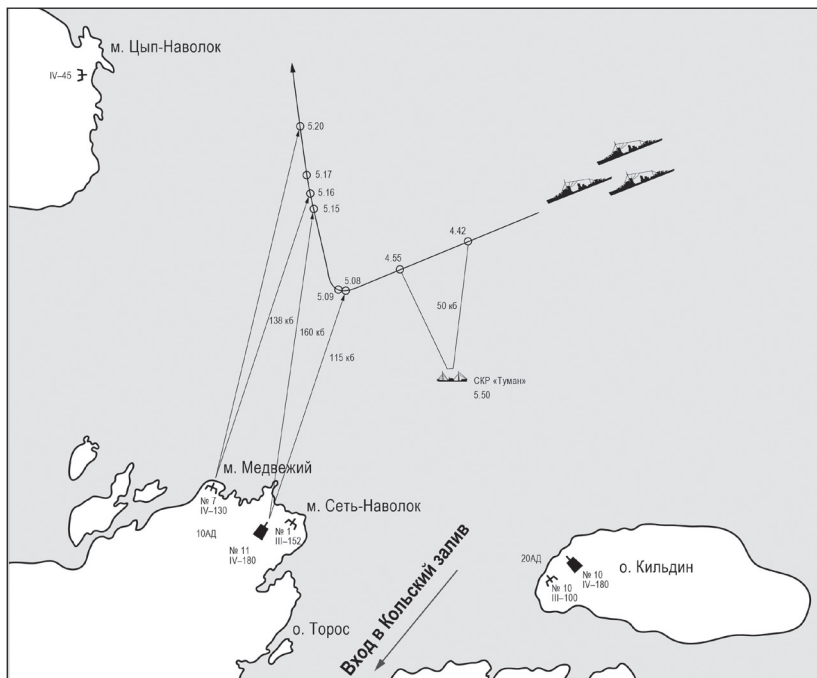

Схема боя СКР «Туман» с фашистскими эсминцами 10 августа 1941 года

рее... то картина боя могла быть иной. Ибо где-где, а при войне на море время не ждет»*.

Анализируя причины трагической гибели «Тумана», Арсений Григорьевич вспоминал, что еще «загодя, по телефону отдал приказание командиру артдивизиона (1-й ОАД БО) на мысе Сеть-Наволок – огонь открывать сразу, как только будет обнаружен противник». Однако это распоряжение выполнено не было. Точнее, оно было выполнено, но...

* Головки А. Г. Вместе с флотом. М.: Воениздат, 1979. С. 62.

«не сразу». Командиры всех степеней уточняли обстановку, докладывали вышестоящим начальникам, сомневались в достоверности... И все это время молча глядели на расстреливаемый «Туман»: три 152-мм орудия, четыре 130-мм орудия и четыре 180-мм орудия на мысе Сеть-Наволоок.

Огонь с батареи на Сеть-Наволоке открыли лишь когда вражеские эсминцы сделали свое черное дело и покидали район боя. При этом достаточно было лишь раздаться первому выстрелу с берега, как «героические» эсминцы резко изменили курс и, повернув на север, принялись улепетывать самым полным ходом. То есть достаточно было одного залпа, чтобы этих «героев» как ветром сдуло – и «Туман» был бы спасен.

Что касается дивизиона на острове Кильдин, то именно его бойцы-наблюдатели (краснофлотцы Стражев и Сафонов) еще в 4 часа 20 минут, то есть раньше, чем на самом «Тумане», обнаружили приближение кораблей противника, о чем немедленно доложили командиру батареи и оперативному дежурному. Однако дежурный «усомнился в достоверности» и, никому не доложив, лично занялся наблюдением за водной акваторией. И только когда в 4 часа 42 минуты поступил повторный доклад от наблюдателей сигнального поста, от матросов-дальномерщиков и даже от часового КП (!) о том, что противник открыл огонь по нашему дозорному сторожевику, дежурный решил пойти и разбудить начальника...

На острове Кильдин так и простояли в бездействии четыре 180-мм орудия и три 100-мм орудия на мысе Бык. Командиры на заданные впоследствии вопросы о своем бездействии доложили, что «огонь не открыли из-за плохой видимости».

Так должны были бы действовать береговые батареи. Картина «Бой защитников порта Диксон с немецким крейсером «Адмирал Шеер»».

Художник П. П. Павлинов

Убегая на северо-запад, эсминцы проходили в непосредственной близости от еще одной важной береговой батареи, развернутой на мысе Цып-Наволоок. Но, увы, в начале войны батарея еще не была развернута полностью, здесь стояли лишь четыре 45-мм орудия, дальность стрельбы которых, как мы помним, была незначительной.

Флаг не спускать!

Еще в момент обнаружения противника командир корабля дал команду: «Поднять Военно-морской флаг!»

Суть подвига «Тумана»

Дело в том, что практика спускать Военно-морской флаг на ночь на ходу, в отличие от вымпела, на кораблях ВМФ СССР существовала до конца 50-х годов. Считалось, что после захода солнца или отбоя флаг в темноте показывать просто некому. Северный флот, расположенный в столь высоких широтах с долгим полярным днем еще, видимо, не имел достаточного авторитета, дабы опротестовать это утверждение. Кроме того, флаг спускался из соображений сбережения полотнища для большего срока использования. Лишь в 1959 году в Корабельный устав было окончательно записано: «Корабли, находящиеся в море и на ходу, носят Военно-морской флаг днем и ночью, не спуская его».

Первыми залпами врага на мачте корабля были перебиты провода радиоантенны и леера на гафеле, – Военно-морской флаг оказался сбит. Следующий снаряд угодил

в ходовую рубку корабля. Раненый рулевой краснофлотец Семенов Константин Дмитриевич и радист старший краснофлотец Блинов Константин Васильевич под непрерывными разрывами снарядов поднялись на мачту и вновь закрепили флаг. Однако очередной взрывной волной его опять сорвало с мачты. «Поднять флаг!» – прохрипел сквозь разрывы снарядов старпом Рыбаков, и вновь двое бойцов сумели подняться и закрепить боевое полотнище. Но тут в самой середине корабля разорвался очередной снаряд, завалив уже и мачту. Тогда Константин Семенов, схватив флаг, вскарабкался на надстройку и поднял его над головой как можно выше – боевое полотнище вновь развевалось на ветру. В этот момент боец был снова ранен. Тогда рядом с ним встал радист Константин Блинов и поддержал товарища. Флаг снова развевался над кораблем – и этот поднятый флаг видел каждый моряк «Тумана», каждый, кто в этом крошечном аду делал все возможное для спасения корабля. Но «Туман» уже резко кренился на правый борт.

И теперь эта задача – продолжать держать над тонущим кораблем развевающийся флаг, так, чтобы это было видно противнику, – с этого момента стала тем главным, ради чего продолжало биться сердце каждого оставшегося в живых члена экипажа, тем, ради чего продолжал бороться с водой и огнем тонущий СКР «Туман». В этом изодранном обгоревшем полотнище, что трепетало на ветру, казалось, дышала и жила душа каждого русского моряка, который не дрогнет, не прогнется и скорее умрет, чем отступит перед ненавистным врагом. Именно в этих раненных матросах, поддерживающих друг друга и сжимающих полотнище флага корабля, оказалась сосредоточена вся суть подвига СКР «Туман», того самого главного его боевого достижения,

что останется в пример всем будущим поколениям моряков Северного флота.

И этот пример не может остаться незамеченным врагом, он воздействует на противника, и порой более действенно, чем самое грозное оружие, – он поражает в самое сердце, остается в душе, вызывая удивление, непонимание, сомнение в своих силах и своей правоте...

«Священная война»

Авторитетный немецкий военный историк, специалист по истории военно-морских сражений профессор Юрген Ровер в своей книге «Морская война на Севере. 1939–1945 гг.» на основании архивных документов Рейха дает обстоятельное описание хода боевых действий в северных морях. Среди этих сугубо сухих фактов и цифр есть необычно эмоциональное упоминание того рейдерства трех немецких эсминцев 9-10 августа в районе Кольского залива: «Здесь сторожевой корабль “Tupan” (бывший РТ-10 «Лебедка», командир л-т Шестаков) вызвал удивление своим мужественным сопротивлением, продолжавшимся до самого потопления корабля»*.

Это было записано в немецком донесении еще в самом начале войны. Но уже на всей огромной территории нашей страны, где разворачивалось наступление войск Вермахта, все чаще противник испытывал непривычное для себя «удивление». В головах фашистов все яснее наступало понимание того, что их прошедшая пол-Европы непобедимая армия Рейха столкнулась с чем-то ранее неизвестным.

---

* Rohwer Jürgen. Chronik des Seekrieges. 1939–1945. Herausgegeben von der Bibliothek für Zeitgeschichte, Stuttgart, 2007. (Перевод автора).

Оборона Севастополя. Художник Александр Дейнека, 1942 год

В немецких письмах с фронта (как и позже в воспоминаниях выживших) неотступно начинала звучать мысль, что «на Восточном фронте мы столкнулись с людьми, которых можно назвать особой расой. Уже первая наша атака обернулась тяжелейшим сражением не на жизнь, а на смерть»^{*}. Немцы пишут, что обычные правила войны «цивилизованной» Европы здесь применить невозможно. «Столь ожесточенное сопротивление и его массовый характер не соответствуют нашему предыдущему опыту. В такое просто невозможно поверить, пока своими глазами не увидишь. Солдаты Красной Армии, находясь в охваченном пламенем доме и явно заживо сгорая, при этом продолжали в нас стрелять»^{**}.

Рациональный европейский ум на Восточном фронте оказывался в тупике. Командиры подразделений Вермахта стал-

^{*} Из письма Ганса Беккера, 12-й танковая дивизия. Цит. по: Кершоу Роберт. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо Железных. М.: Изд. «Эксмо-Яуза», 2011.

^{**} Дневник генерал-майора Гофмана фон Вальдау. Цит. по: там же.

Матросы в атаке. Фото 1942 года

кивались с тем, что поведение русских невозможно предсказать, поскольку логика их действий порой базировалась не на правилах ведения войны, учитывающих естественное желание каждого уцелеть, а на праведном гневе и ненависти к врагу. На той самой «ярости благородной, что вскипела, как волна» и теперь властно призывала каждого русского к «священной войне», на которой и умереть не страшно.

«Никогда еще не видел солдат злее этих русских. Они как настоящие цепные псы, и никогда не знаешь, что от них ожидать. Откуда у них только берутся такие силы... И вообще русские не похожи на людей, они будто сделаны из железа и не знают усталости, не ведают страха. Их матросы на лютом морозе идут в атаку в одних тельняшках. Трудно признать, но порой физически и духовно один русский солдат сильнее целого нашего подразделения».

Или вот еще впечатление и удивление от первых дней войны: «Во время атаки мы столкнулись с легким русским танком Т-26, который подбили тут же из 37-миллиметровки. Когда же мы к нему приблизились, из люка башни по пояс высунулся русский лейтенант и открыл по нам стрельбу из пистолета. Когда он был убит, выяснилось, что он был без обеих ног, их ему оторвало, когда танк был подбит. И, невзирая на это, он палил по нам из пистолета!»^{*} Эти примеры высочайшего мужества на той войне позже выльются в уже ставшее привычным словосочетание «массовый героизм». Но привыкнуть к нему никак нельзя, ведь за каждым этим подвигом, за каждым таким случаем стоит наш с вами конкретный родной человек, наш российский парень, очередной «лейтенант Шестаков».

Или еще случай из рассказа командира 3-го батальона 18-го пехотного полка группы армий «Центр» майора Нойхофа. Майор был в полном недоумении, будучи не в состоянии понять, что же руководит русским солдатом в этой войне. Дело в том, что его батальон из 800 человек был атакован пятью (!) советскими солдатами. «Я просто никак не мог ожидать ничего подобного, – признавался раненый в этой атаке командир батальона своему врачу. – Это невозможно понять. Это же чистейшее самоубийство. Как можно атаковать силы батальона пятеркой бойцов?!»^{**}

Все это неизбежно подтачивало моральный дух немецкой армии, и в сознании врага постепенно укоренялось понимание очевидного духовного превосходства русских. Ко времени событий под Сталинградом письма с фронта стали совсем пессимистичными: «Мы целых 58 дней штур-

---

^{*} Дневник генерал-майора Гофмана фон Вальдау.

^{**} Там же.

мовали один единственный дом. Я думаю, напрасно мы его штурмовали, поскольку уже хорошо понимаю, что никто из нас не вернется в Германию. Для этого должно случиться чудо, но в чудеса я больше не верю. Удача на стороне русских» (из письма солдата Вермахта Э. Отта).

«Туман» и «Варяг»

В 60-е годы, когда с начала войны прошло лишь 20 лет и еще были живы уцелевшие моряки «Тумана», повсеместно на флоте их подвиг признавали равным подвигу легендарного крейсера «Варяг». Об этом писали статьи во флотские газеты, говорилось по радио, об этом говорили даже и сами дожившие до послевоенного времени участники далеких событий 1904 года*.

Со временем острота этого переживания стала притупляться, людей, для которых те события были самым главным делом их жизни, уже не осталось, и, что греха таить, современным командирам при нынешнем засилье информации стало не слишком интересно обращаться в мыслях к «делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой». Хотя справедливости ради скажем: вряд ли кто посмеет усомниться, что все поколения моряков-североморцев хранят заветы наших великих предков и свято чтут правило Устава Петра I: «Корабли русские ни перед кем, никогда не должны спускать свой флаг...».

В этой связи надо бы и нам вспомнить, чем дорог нам пример крейсера «Варяг» и в чем его очевидное сходство с подвигом СКР «Туман».

---

* Воспоминания вестового командира «Варяга» матроса 1 статьи А. Войцеховского (1956).

В редакцию пришло письмо. Подписаны 2-го московского морского илуба ДОСААФ Н. Костин, В. Осипов и А. Смирнов пишут:

«Все мы хорошо знаем подвиг матросов легендарной «Варяга». Этот крейсер вступил в неравный бой с четырьмя японскими кораблями. Морян бились до последней возможности, не спустив флага перед врагом. Но вот недавно повелением был поставлен новый корабль Краснознаменного Северного флота, которому присвоено имя «Туман». Мы узнали, что это имя в годы войны носил сторожевой корабль, который в Баренцевом море до конца сражался с несколькими немецкими миноносцами, повторяя подвиг «Варяга».

Уверительно просим, расскажите на страницах журнала о подвиге сторожевого корабля «Туман».

Отвечаем на это письмо.

Баренцево море. Лето сорок первого года. Суровая и трудная пора начала войны.

В ночь на 10 августа сторожевой корабль «Туман» находится у входа в Кольский залив, на подступах и главной базе Северного флота.

Море было спокойным, почти штилевым. Видимость отличная.

Под утро вахтенный офицер лейтенант Леонид Рыбаков обнаружил на горизонте дымки.

«УМАН» ПОВТОРЯЕТ ПОДВИГ «ВАРЯГА»

— Вижу три силуэта! — доложил он командиру старшему дежурному Шестакову.

Переключаясь, услышав сигнала боевой тревоги, разнеслась по кораблю. Комиссар старший полкитур Петр Стрельник последил в радиорубку:

— Оповещение было!

Итак, товарищ командир, — доложил вахтенный радист Константин Блинов.

— Не шуми! — сообщил Стрельник, возвратившись на мостик.

— Эсминец протинанки. Теперь ясно видно. Типа «Редер», — сказал Шестаков, не отрывая от глаз бинокля. — Форсируют ход.

Командир принял: На намом из трех эсминцев по четыре 130-миллиметровых орудий.

А «Туман»... с двумя 45-миллиметровыми пушками. Но нужно до того бы то и стало задерживать вражеские миноносцы. До войны «Туман» был рыболовным траулером и носил имя «Лебеда». В первые дни войны его включили в состав Северного флота и преобразовали в сторожевой корабль, встретив вопрошающий взгляд вахтенного Рыбакова. И властно добавили: — Следовать протинанки курсом! Быстро доложите обстановку в штаб. Принимаем бой!

— Полный вперед! — скомандовал Шестаков.

Настороженно наблюдали моряки за вражескими кораблями. Каждый из них понимал, что идет на верную гибель, но готов был на себя, отчаянно сражаться и выполнить свой долг до конца.

Эсминец шли форсированным ходом, быстро сближаясь с «Туманом». Их силуэты резко вырисовывались на темном фоне моря.

Дистанция сорок набельтових... Тридцать пять... Тридцать... непрерывно докладывали сигнальщик.

Орудийные расчеты застыли в ожидании приказа отстрелять оги.

Машины работали на максимальных оборотах. Первый вражеский снаряд упал с перелетом. И сразу же и пушки «Тумана» отстрелили ответный огонь. Командир знал, что с такой дистанции небольшие орудия сторожевого корабля едва ли нанесут урон врагу, но по крайней мере заставят фашистов держаться на почтительном расстоянии.

Под угатынным огнем вражеских миноносцев старший лейтенант Шестаков уверенно руководил действиями экипажа.

Умелым маневрированием он снижал эффективность вражеских снарядов.

Впервые сравнение с «Варягом» проведено в статье В. Тихомирова.

Газета «На страже Заполярья», 1965 год

26 января 1904 года японская эскадра, состоявшая из шести крейсеров и нескольких миноносцев, подошла к заливу Чемульпо в Желтом море и остановилась на внешнем рейде при входе в порт. В этом нейтральном корейском порту стояли русский крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец», обеспечивавшие работу нашей дипломатической миссии. Наши дипломаты в Сеуле еще не знали, что этой ночью началась война. Японцы же немедленно, уже этой ночью, провели блокаду наших сил в Чемульпо. Кроме наших кораблей в этом нейтральном корейском порту стояли на рейде крейсера иных иностранных держав: Англии, Франции, Италии и США.

27 января 1904 года командир японской эскадры контр-адмирал Сотокити Уриу направил командиру «Варяга» послание, в котором объявил, что Япония и Россия находятся в состоянии войны, и в ультимативной форме потребовал от русских моряков выйти с рейда и сдаться на милость победителя*.

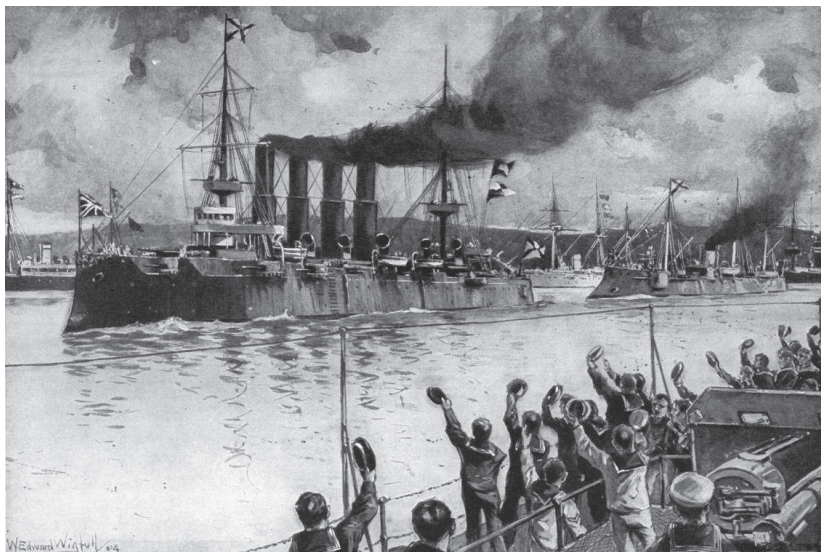
Командир «Варяга» капитан 1 ранга Всеволод Федорович Руднев, объявив «Большой сбор», огласил команде текст японского ультиматума, после чего обратился к экипажу: «Вызов, брошенный нам, более чем дерзок. И, как командир корабля, я принимаю его. Мы пойдем на прорыв и вступим в бой с эскадрой врага, невзирая на то, что она велика и много сильнее нас. Ни о какой сдаче речи идти не может — мы не сдадим ни крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Помолимся же теперь Богу и, уповая на Его милость, смело пойдем в этот неравный бой за Веру, Царя и Отечество под родным Андреевским флагом!». При этом корабельный священник иеромонах Михаил Руднев благословил экипаж иконой святого князя Александра Невского.

Командир, отдельно посоветовавшись с офицерами, принял решение не откладывать решающий момент и на прорыв идти немедленно. Также офицеры поддержали предложение командира взорвать крейсер в случае неудачи прорыва.

В 11-20 крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» внезапно снялись с якоря и устремились навстречу японской эскадре. Хорошо знающие ситуацию и понимающие, свидетелями чего они являются, командиры кораблей, стоящих на рейде, в знак восхищения небывалой смелостью

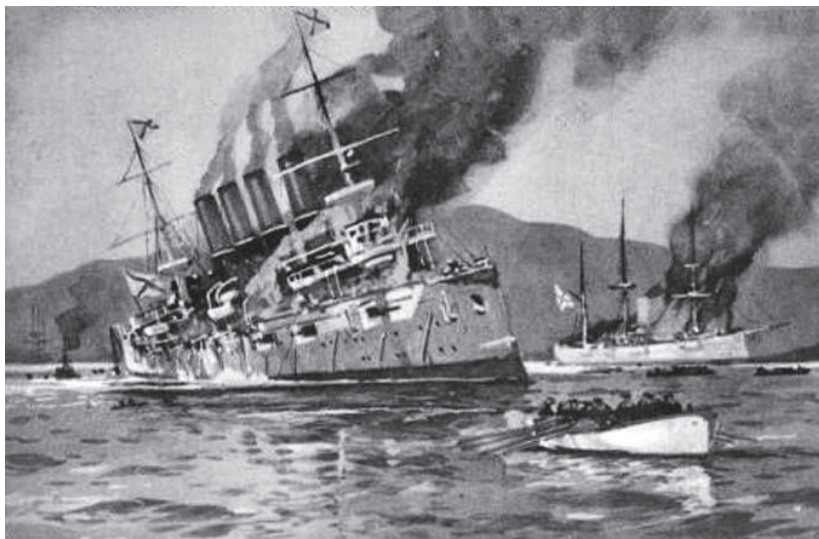
* В эту ночь на 27 января Япония без объявления войны внезапно напала на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура.

Проводы крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» на бой с японской эскадрой. Английская открытка 1904 года

русских моряков построили команды своих крейсеров. На верхней палубе «Варяга» корабельный оркестр исполнял гимны соответствующих государств, а в ответ с кораблей звучал гимн Российской Империи. Офицеры и матросы, выстроенные вдоль бортов всех крейсеров (кроме американского) восторженным «ура!» приветствовали русских моряков, со спокойным достоинством шедших на верную смерть.

Столь решительный выход наших кораблей из гавани стал для японцев полной неожиданностью. Командир японской эскадры был уверен, что «Варяг» и «Кореец» попытаются «отсидеться» в гавани, уповая на нейтральный статус корейского порта и близкое присутствие там многих

*«Варяг» и «Кореец», вернувшиеся на рейд Чемульпо
после героического боя*

кораблей иностранных держав. Адмирал Уриу отдал приказ о подготовке миноносцев эскадры к торпедной атаке русских кораблей прямо на якорной стоянке в порту уже вечером этого дня.

Получив донесение из порта о столь скором начале движения наших кораблей, адмирал С. Уриу пребывал в некотором удивлении, не зная, как воспринимать эти действия русских. Тем не менее, была объявлена «тревога» и отдан приказ об экстренной съёмке с якоря – однако стало понятно, что времени на подъем якорей уже нет, и командиры были вынуждены дать команду расклепать якорные цепи*.

---

* Чрезвычайные действия в морской практике, приводящие к утрате якоря и значительной части якорь-цепи.

Обнаружив наши корабли, спокойно идущие навстречу его эскадре, адмирал Уриу приказал поднять сигнал: «Сдаться на милость победителя». Командир «Варяга» приказал в ответ поднять боевые флаги. Только теперь японцы осознали, что русские корабли идут не сдаваться, а, напротив, атакуют эскадру.

В 11-45 флагманский корабль эскадры броненосный крейсер IJN «Asama» первым открыл огонь по бронепалубному крейсеру «Варяг», поскольку дальность его стрельбы составляла 18 км против 11 км у «Варяга». О реальном соотношении сил перед этим боем говорит еще одно сравнение: суммарный вес артиллерийского ботового залпа одного крейсера «Asama» равнялся 733 кг, тогда как у «Варяга» – 278 кг. И, напомним, у японцев в бою участвовало шесть крейсеров и три эсминца.

Один из первых снарядов угодил в верхний носовой мостик и разрушил дальномерную станцию, погибла штурманская боевая часть корабля. Но через две минуты «Варяг» уже вышел на нужную дальность стрельбы и открыл сильный ответный огонь с правого борта. Артиллерия «Варяга» в этом бою сумела нанести серьезный урон японской эскадре. Но и на нашем крейсере ураганный огонь целой эскадры создал кромешное море огня, дыма, крови и смерти. Повреждения нашего крейсера были крайне тяжелыми. Не будем углубляться в подробное описание того жесточайшего боя. Приведем лишь строки любимой песни моряков*:

---

* Показательно, что эти стихи написал австрийский писатель и поэт Рудольф Грейндц, потрясенный историей о подвиге крейсера «Варяг». Стихотворение называлось «Der „Warjag“» и было переведено на русский язык поэтессой Е. М. Студенской.

«Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный, наш верный “Варяг”
Подобьем кромешного ада!»»

Потеряв половину орудий, более 30 человек убитыми, почти 200 ранеными, получив 5 пробоин ниже ватерлинии, сильно кренившийся крейсер «Варяг» повернул на вход в гавань Чемульпо. Капитан Руднев был контужен и получил ранение в голову. Когда израненные русские суда добрались до рейда, на палубу «Варяга» поднялся командир французского крейсера «Паскаль» Виктор Сэнэс. «Я никогда не забуду потрясающего зрелища, представившегося мне, – позже писал изумленный французский офицер. – Вся палуба залита кровью, всюду валяются трупы и части тел. Ничто не избежало разрушения».

Чтобы не сдавать корабли врагам, крейсер был затоплен, а канонерка – взорвана. Все раненные и уцелевшие были приняты на борта соседних кораблей. Не помогли только американцы*. Теперь капитан 1 ранга Руднев имел все основания составить своему командованию донесение: «Суда вверенного мне отряда с достоинством поддержали честь Российского флага, исчерпали все средства к прорыву, не дали возможности японцам одержать победу, нанесли много убитков неприятелю и спасли оставшуюся команду».

Был бы жив командир «Тумана» старший лейтенант Шестаков, он также имел бы полное право доложить: «вверенный мне экипаж с достоинством поддержал честь Рос-

---

* Командиры кораблей европейских стран, пытаясь объяснить такое поведение, говорили о «молодости американского флота и еще не сложившихся традициях», что, конечно же, звучит неубедительно. Скорее, наоборот, речь идет об уже твердо сложившейся традиции все мерять личной выгодой и деньгами.

сийского флота, моряки корабля не дали посрамить Военно-морской флаг на виду неприятеля и в неравном бою, исчерпав все средства для сохранения корабля, спасли оставшуюся команду».

Судьба Лизы

Но что же случилось с женой командира героически погибшего «Тумана»?

В судьбе вдовы командира «Тумана», молоденькой девушки Елизаветы Ивановны, можно сказать, отразилась вся непомерная тяжесть военного времени, обрушившаяся на плечи женщин нашей страны. К истории своих тяжелых мытарств Елизавета Ивановна, уже будучи бабушкой, не раз возвращалась в своих рассказах внучке Тане Шестаковой. Воспоминания жены СКР «Туман» Татьяна Евгеньевна передала мне, автору этих строк.

«Самым страшным временем в течение всей войны для Лизы оказалось не то жуткое горе и одиночество, что наступило после гибели любимого мужа, ни мурманские жестокие бомбежки. Она всегда говорила, что самым страшным оказалась эвакуация. В условиях невероятного напряжения сил страны, когда все происходящее было подчинено одной цели: “все для фронта, все для победы”, вопросы, связанные с гражданским населением, с его эвакуацией неизбежно оказывались второстепенными и не могли решаться как должно».

Лизу с месячным ребенком на руках высадили из вагона эшелона, следовавшего на Урал, на какой-то промежуточной станции. Она тяжело заболела, и оставлять ее в пути было нельзя. Как потом выяснилось, тяжелое воспаление легких наложилось на инфекцию груди с угрозой сепсиса. Ни денег, ни родных, ни нужных вещей...

Подселили ее в какой-то дом, хозяйкой которого оказалась тоже одинокая вдова с четырьмя детьми. Голодали все страшно, и скоро стало ясно, что им не выжить. Тогда эта женщина, хозяйка дома, сказала: «Лиза, поезжай обратно работать в Мурманск, а дочку оставь мне. Будешь нам посылать посылки с едой, думаю, хоть что-нибудь да пришьлешь. Иначе помрем мы все: и ты с дочкой, и я со своими четырьмя». Это был 1943 год. Елизавета отправилась обратно в Мурманск. Добравшись на Север, срочно экстерном сдала экзамены по своей специальности. Нужно было устроиться на работу, где не только самой прокормиться, но и собирать посылки для дочери. Реальная работа со сносной кормежкой была только для мужчин – на судах обеспечения Северного флота. Лиза пошла на эту тяжелейшую боевую работу в море и до конца войны проходила штурманом на судах вспомогательного флота.

Сказать, что это была страшная работа, – ничего не сказать. Мы уже писали, как часто гибли суда обеспечения СФ. В экипажах мужиков не хватало – половина команды этих судов были женщины. Она идеала все, что включает в себя это страшное слово «война»: кровь, грязь, кругом горе и смерть... И постоянная запредельная физическая и психическая усталость. К своим 25 годам девушка Лиза стала полностью седой.

Как только закончилась война, появилась возможность поехать за дочерью. Ехала и не знала, жива она или нет. С трудом нашла свою трехлетнюю Ирочку в какой-то больнице. У ребенка был открытый туберкулез, рахит и многое другое. Всю войну, как и договорились, она отсылала деньги и посылки с продуктами. Ни одна посылка не дошла до адресата. «Бабушка всегда так плакала, когда об этом вспо-

*Пожилая женщина на снимке – жена командира «Тумана»
двадцативосьмилетняя Елизавета Шестакова
и ее дочь Ирина. Фото 1946 года*

минала, – пишет внучка Татьяна Евгеньевна, – рассказывая, с каким трудом ей удавалось собирать эти посылки среди всеобщего голода. Когда она привезла дочь в Мурманск, то очень долго ее лечила, но здоровье дочери осталось очень слабым на всю жизнь. Тогда же, в 1946 году, бабушка ушла из плавсостава, отдав флоту свою молодость и здоровье.

Мне кажется, что все, просто пережившие ту войну, уже герои, не говоря о тех, которые отдали свои жизни. Говорят, что только великие страдания рождают великие дела, и, наверное, это правда: их страдания никто никогда не измерит. Я никогда не забуду, как моя бабушка плакала ночами. Столько лет и каждую ночь».

Честь и награды

Как мы помним, никто из команды «Тумана» никаких наград не получил. Оно и понятно: для того чтобы представить к награде, требуется описать ситуацию, в которой совершались героические действия. Но тогда у начальства может возникнуть вопрос: как же могла такая ситуация возникнуть? Почему СКР, находясь в непосредственной близости от главных сил флота, оказался один на один с тремя фашистскими эсминцами? Поэтому лучше вообще этот случай не вспоминать, а оставшихся в живых отправить воевать в сухопутные части. Правда, позже одно исключение все-таки сделали. Посмертной награды удостоился комиссар корабля старший политрук П. Н. Стрельник, погибший вместе с командиром Львом Шестаковым. Политорганы нашли способ, как наградить своего коллегу. Это действительно было важно для семьи политрука, поскольку орден да-

вал значительные льготы и выплаты*. Поэтому в октябре 1941 года погибшего замполита представили к ордену Красного Знамени за героизм, проявленный при высадке десанта у реки Западная Лица. Это в той высадке, где 6 июля 1941 года отличился экипаж СКР «Туман». Что же касается жены погибшего командира корабля, то это «иная категория», и Лиза осталась со своим горем один на один и выживала как могла.

Так обстояло дело с наградами в РККА и Красном флоте.

Иначе относились к своим героям-морьякам, воевавшим и погибавшим под флагом Российского императорского флота. Абсолютно все члены экипажей «Варяга» и «Корейца» были представлены к высоким боевым наградам. Их пример стал важнейшим символом доблести и силы духа русского моряка для всех последующих поколений.

Надо отметить, что так же, как немецкие моряки особым образом впечатлились героизмом экипажа «Туман», так и японцы впоследствии высоко оценили силу духа своего противника. В Японии пример «Варяга» активно использовали в пропагандистских целях как яркий образец проявления кодекса самурайской чести Бусидо. Главный постулат Бусидо гласит: «Самурай должен прежде всего постоянно помнить, что он может умереть в любой момент, и если та-

Бабушкина медаль

---

* Эти значительные льготы действовали до 1948 года.

кой момент настанет, то умереть он должен с честью. Это главное дело его жизни»^{*}.

Крейсер «Варяг» японцы впоследствии подняли, но в строй ввести его так и не удалось. Найденные на поднятом крейсере форменные воротники матросов в дальнейшем являлись объектом особого поклонения моряков Императорского флота Японии. Уже отставной контр-адмирал В. Ф. Руднев в 1907 году был награжден японским орденом Восходящего Солнца в знак признания героизма русских моряков под его командованием. Руднев хотя и принял орден, однако никогда его не надевал.

Что касается памяти о подвиге «Тумана» и положенных воинских почестей героям, то лишь спустя 24 года после того боя, в 1965 году, Командующий Северным флотом адмирал С. М. Лобов подписал приказ, в котором объявил место гибели «Тумана» координатами боевой славы (69°33'6»N и 3°40'20» Ost), и проходящие здесь корабли приспускают флаг.

Память или забвение

Встречи «тумановцев» на Северном флоте были регулярными и происходили на фоне общего празднования 9 мая. Начиная с 1965 года их стали собирать отдельно 10 августа – на годовщину последнего боя «Тумана». Выходили на кораблях СФ к месту гибели СКР, а также и лет-

---

* При этом не стоит особо прельщаться «благородством» этого кодекса. Так, одной из важнейших техник боя самурая является «ий-дзюцу» – доведенное до совершенства внезапное жестокое поражение мечом не ожидавшего и не собиравшегося нападать противника или просто нейтрального человека, «проявившего неуважение».

Флаг «Варяга» (гюйс), предоставленный России для чествования муниципальным музеем Инчхона (Чемульпо). Фото 2011 года

чика Б. Ф. Сафонова. Все проводилось очень торжественно, с оркестром. В воду опускали венки, приспускали флаги.

Постепенно участники тех боев и сражений заканчивали свой славный земной путь. Уходили люди – уходила память. Воспоминания о героях прошлого и о подвигах погибших кораблей в новой, повседневной жизни современного океанского Северного флота, решавшего сложные и ответственные задачи, постепенно переходили в область мемуаров и исторической науки. Наступившая вскоре «эпоха застоя» в первую очередь коснулась душ российских людей и угасания живой, не формальной памяти о своих отцах и дедах. В конечном итоге все закончилось страшным духовным разорением девяностых. К концу тяжелейшего XX века наша страна оказалась в состоянии моральной деградации,

Композиция, посвященная подвигу «Тумана», на праздновании двадцатилетия Победы на Центральном стадионе профсоюзов в Мурманске. Фото 9 мая 1965 года

нравственного разложения и беспамятства. Великий народ тысячелетней Руси стремительно деградировал, превращаясь в неких «новых русских», которые с каким-то «гибельным восторгом» были готовы все пустить на продажу, разворовать и обесчестить.

И неизбежно среди них появились, если так можно выразиться, и «новые историки», которые с почерпнутым на Западе цинизмом стали продавать нашу историю, наших героев, подвиги наших предков. В своем «иудином» безумстве эти «историки» вознамерились попытаться продать душу нашего великого народа, предлагая нам «новую исто-

рию», в которой не было ни великих дел, ни свершений, ни героев, ни их подвигов, а все было бездарно, пошло и гадко.

К счастью, сейчас Россия вновь восстает из небытия, отрывается от этого морока беспамятства. Славные дела наших предков, их образы и святые имена колышутся в нескончаемом море памяти «Бессмертного полка», и пепел героев и мучеников войны вновь «стучит в наши сердца».

Моряк Тимофей с «Тумана»

То тяжелое испытание в Баренцевом море, что выпало каждому члену экипажа «Тумана», пришлось на самое начало долгой и страшной войны. Все те, кто не закончил 10 августа свой жизненный путь смертью героя, должны были в полной мере хлебнуть военных будней в оставшиеся четыре года смертельного противостояния.

Краснофлотец Тимофей Лукьянович Мироненко служил на «Тумане» машинистом. Как известно, одно из прямых попаданий фашистского снаряда пришлось в котельное отделение корабля. Однако Господь распорядился, чтобы Тимофей остался жив, хотя рядом с ним погибли его одногодки, двадцатилетние друзья, машинисты и трюмные Петр Ефанов, Саша Косач, Коля Секушин.

Тимофей оказался среди тех, кто уцелел в том бою и спасся на шлюпке, пробоины в которой «тумановцы» затыкали своими бескозырками и бушлатами. После возвращения в Полярный лишь немногие из спасшихся моряков «Тумана» были распределены на корабли флота, большинство отправили на фронт. «К лету сорок второго года несколько таких “морских” отрядов, сформированных на Северном флоте, участвовали в Сталинградской битве. В их составе

Бой в одном из цехов завода «Красный Октябрь». Фото декабря 1942 года

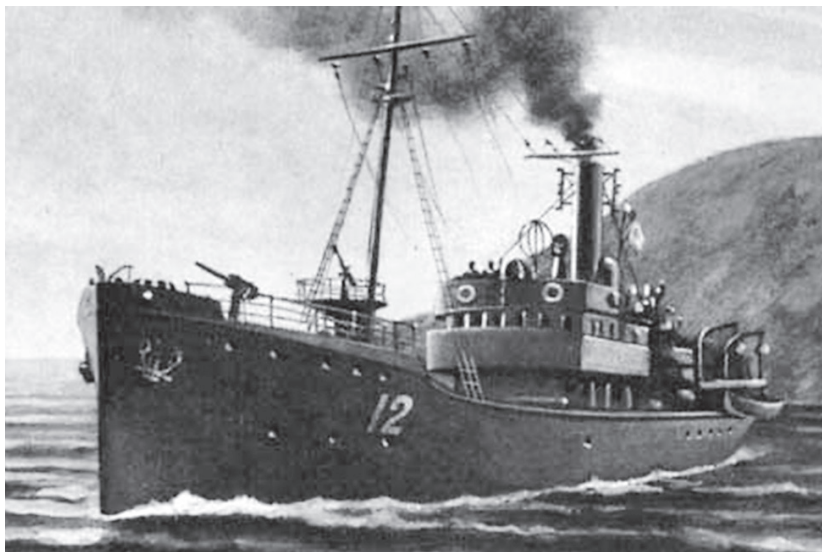
оказался и наш старшина Тимофей Мироненко. Шестнадцать дней Тимофей держал оборону на тяжелейшем участке – в районе завода “Красный Октябрь”, где и получил тяжелое ранение.*

После госпиталя его снова направили в Сталинград, и вновь Тимофей получает ранение. Опять лечится в госпитале. Уже без него в феврале 1943-го завершается Сталинградская битва, и весной этого года он переброшен воевать под Ленинград в составе бригады морской пехоты

---

* Завод «Красный октябрь» стал одной из ключевых точек Сталинградской битвы, на его территории шли небывало страшные и ожесточенные бои, навсегда вписавшие имена советских солдат в историю мужества, доблести и героизма.

Героический сторожевик «Туман»

Балтийского флота. Здесь опять он получил очередное ранение...»*.

Явно Бог для чего-то берег краснофлотца Мироненко, если вспомнить, например, что средняя продолжительность жизни солдата в Сталинграде составляла всего 24 часа, взвода – три дня и т. д. Во всем происходящем с нами в этой жизни всегда есть более глубокий, сокровенный смысл, чем тот, что доступен нам, чем то, что лежит на поверхности происходящих событий. И нам подчас бывает совершенно невозможно понять, как, по каким лишь Ему ведомым судьбам Господь избирает к особой памяти те или иные события, тех или иных людей. А другие, вроде бы не менее

---

* Тихомиров В. В. Подвиг «Тумана». М.: Воениздат, 1960.

героические факты и достойные люди такой участи не сподобляются... Вот так происходит и с памятью о «Тумане», хотя еще шестнадцать таких же СКР в 1941–1942 годах нашли свой покой на дне северных морей. Но именно «Туман» оказывается избранным воплотить в себе суть их общего подвига, и в этом имени нам нужно воздать должное всем героическим именам кораблей Северного флота времен войны.

Так и краснофлотец Тимофей Мироненко был избран из всего экипажа «Тумана», чтобы дойти с победой до Берлина и таким образом выполнить эту святую миссию справедливого возмездия в память о всех своих погибших друзьях.

Фотография на память

В мае 1945 года в поверженном Берлине старшина Мироненко встретил то, ради чего Господь хранил его все четыре года войны, то, без чего история подвига «Тумана» была бы неполной.

На одной из улиц города, в районе знаменитой Вильгельмштрассе, он увидел немецкого мальчика, вокруг которого собрались наши бойцы и что-то рассматривали. Тимофей подошел поближе. В руках у мальчика была смятая фотография, и он указывал на нее, как бы объясняя всем, что это, и повторял одно слово: «Tuman, Tuman...» Звуки этого слова были слишком дороги краснофлотцу Мироненко – он быстро протиснулся к мальчику и схватил фотографию.

Это было потрясением. В это было невозможно поверить, но перед ним была фотография его тонущего корабля, его родного «Тумана». Фото было сделано с борта одного

*Немецкие мальчишки на улице
Берлина в мае 1945 года*

*Наши бойцы на ул. Вильгельмштрассе
в мае 1945 года*

из фашистских эсминцев. Немецкий офицер позировал на фоне погибающего русского корабля! Была видна дымзавеса, а за ней вдалеке едва просматривались две шляпки. Оказалось, что эсминцы тогда подошли совсем близко, когда экипаж покинул корабль и опасности получить в борт русский снаряд уже не было.

«Братцы, – охрипшим от волнения голосом произнес Мироненко, стоявшим вокруг бойцам, – я матрос с этого корабля, это мой “Туман”!» Мальчик с интересом смотрел на Мироненко, и тот с волнением обратился к нему: «Откуда у тебя это фото?» Тут же поняв бесполезность вопроса, спросил: «Кто-нибудь по-немецки может?» С переводом помог проходивший лейтенант. История фотографии была удивительной.

Автор на Гданьской судовой им. Ленина (Польская Народная республика). Здесь был построен СКР «Туман». Фото 1986 года

Мальчика звали Ганс, он был сыном прислуги в доме богатого немца, хозяина сети магазинов музыкальных товаров. Его сын командовал фашистским эсминцем. Осенью 1941 года из Северной Норвегии от сына пришло письмо, где он рассказывал о своих подвигах. В письме была фотография, а на ней подпись: «Этот русский корабль “Туман” потопил я. Как тонет это судно, так утонет и вся большевистская Россия. Хайль Гитлер!»

Фотография висела в рамке в гостиной до апреля 1945 года, когда в доме стали уничтожать все, что могло свидетельствовать о сочувствии к фашистскому режиму. Так и это фото было брошено в корзину для сжигания вместе с другими многочисленными бумагами. Но мальчик тайком

вытащил снимок и спрятал в кармане. Зачем? Он и сам этого объяснить потом не мог*. Просто так должна была свершиться воля Божья, и каждый участник этой истории должен был пройти свой путь и выполнить свой долг. Так была завершена история «Тумана» и замкнут «круг времен». И, конечно же, всем нам радостно вновь убедиться, что живет еще в этом мире высшая справедливость и что усилиями нашего русского воинства сберегается и всегда торжествует то, что так ценилось на Руси и испокон веку называлось ПРАВДОЙ БОЖЬЕЙ.

---

* Эту историю в 1957 году рассказал писателю В. В. Тихомирову немецкий журналист Ганс Хенке («мальчик с фотографией»), приехавший в Москву на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. История вошла в книгу В. Тихомирова «Подвиг “Тумана”».

Оглавление

ОТ АВТОРА.....	7
Командир и его корабль	9
Готовность.....	10
Предчувствие.....	12
40 дней войны СКР «Туман»	14
Эсминцы Кригсмарине.....	18
«Поздравить по возвращении».....	21
Главная задача дозора.....	22
«Последний парад наступает... »	24
«Свистит, и гремит, и грохочет кругом... » (из песни «Варяг»).....	25
Командирская жена.....	28
«Боги войны».....	30
Флаг не спускать!.....	33
«Священная война»	36
«Туман» и «Варяг»	40
Судьба Лизы.....	47
Честь и награды	50
Память или забвение	52
Моряк Тимофей с «Тумана».....	55
Фотография на память	58

КОЛЬСКИЙ ПАТЕРИК. КНИГА VI
Епископ Митрофан (Баданин)
ПОДВИГ «ТУМАНА». ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Художник И. Куксенко
Корректор Е. Черкасова
Верстка О. Марусова
Подготовка схем О. Баранова

Подписано в печать xxx2016
Формат 60x90/16 Усл. печ. л. 4. Тираж 3000 экз.
Печать офсетная. Заказ xxxx

Издательство «ЛАДАН»
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
Тел. (812) 334-13-60
www.LadanSPb.ru

Выбрать книги, издающиеся в Североморской епархии
и посвященные Крайнему Северу, можно на официальном сайте
<http://severeparh.ru/>

Заказ на книги отправлять по электронному адресу:
kniga@severeparh.ru
или на почтовый адрес:

184606, Мурманская обл., г. Североморск, ул. Комсомольская, д. 23
В свободной продаже книги во всех церковных лавках Североморской епархии.

Отпечатано в типографии «Моби Дик»
www.MobyPrint.ru